

Э. БЕРК

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РЕВОЛЮЦИИ ВО ФРАНЦИИ

Уважаемый сэръ!.. Не отказывая себе в удовольствии вступить с Вами в переписку, я умоляю Вас разрешить мне излить свои мысли и выразить бушевающие меня чувства и не обращать внимания на способ изложения; я подробно остановлюсь на делах и поступках революционного общества, но постараюсь этим не ограничиваться. У меня такое чувство, что я нахожусь в глубочайшем затруднении, и не только из-за событий, происходящих во Франции, а быть может, и не только в Европе. Принимая во внимание все обстоятельства, французская революция — самое поразительное из всех имевших место до сегодняшнего дня событий в мире. Во многих случаях самые прекрасные идеи претворяются в жизнь самыми абсурдными и возмутительными средствами, оскорбительными способами и, вероятно, самыми недостойными методами. Все кажется странным и неестественным в этом хаосе легкомыслия и жестокости, смешения преступности с самым невероятным безрассудством. У наблюдавших эту устрашающую трагикомическую картину возникают противоречивые чувства и страсти, которые иногда и перемешиваются, а презрение сменяется негодованием, после смеха льются слезы, а на смену скорби приходит страх.

Еще одна (социальная) революция, которую повлекло за собой Просвещение

Но теперь (согласно якобинцам. — *Ред.*) все должно измениться. Все милые иллюзии, которые облагораживали власть, делали государство свободным, согласовывали различные стороны жизни и постепенно приносили в политику те прелестные чувства, которые украшают и смягчают частную жизнь, — все эти иллюзии должны быть разрушены новой всепобеждающей империей света и разума. Занавес приличия был грубо сорван. Все возвышенные идеи, представленные в нравственном сознании, живущие в сердце и необходимые разуму, для того, чтобы скрыть изъяны нашего обнаженного и дрожащего естества и сделать его достойным нас самих, — все это должно быть отвергнуто как нечто нелепое, абсурдное и старомодное. Исходя из подобного положения вещей, король — это не более чем мужчина, а королева — всего лишь женщина, женщина — это животное, и к тому же животное не самого высокого порядка. И все то почтение и уважение, оказываемое этому полу как полу вообще, должно рассматриваться как романтическое и глупое. Недопустимость цареубийства, отцеубийства и святотатства есть не что иное, как суеверный вымысел. Все это лишь усложняет юриспруденцию, уничтожая ее простоту. Убийство короля, королевы и священнослужителя или отца — всего лишь обычные убийства, а если люди в том или ином случае извлекают из этого какую-либо выгоду, то такой вид убийства наиболее простительный, и здесь мы не должны выносить слишком суровый приговор.

Согласно этой варварской философии, которая является плодом холодных сердец и порочных представлений и которая лишена как здравого смысла, так и вкуса, и изящества, законы должны соблюдаться только потому, что они внушают страх, а также исходя из той важности и значимости, которые каждый находит в них строго индивидуально или исходя из личных интересов. В таких академических зарослях¹ вы не увидите ничего, кроме виселиц. Ничего не осталось, что побудило бы любовь и расположение к себе со стороны государства. Если основываться на принципах этой механической философии, то наши институты никогда не смогут воплотиться в жизнь (если можно так сказать, реализоваться в лицах), чтобы привить нам любовь, почтение, восхищение или преданность. Но этот здравый смысл, который объявляет вне закона любовь и расположение, не в состоянии их чем-либо заменить. Расположение народа с его обычаями и нравами иногда необходимо в качестве дополнения, иногда как поправка, но всегда в помощь закону. Заповедь умного мужа так же значима для государства, как и наставления великого критика для создания стихотворения. *Non satis est pulchra esse poemata, dulcia suntu*² У каждого народа должны быть свои обычаи и нравы, в которых развитый человек находит удовлетворение. Чтобы заставить нас любить нашу страну, страна сама должна быть привлекательной.

Последствия: разложение власти, образования и упадок торговли и промышленности

Но власть, какой бы она ни была, выдержит исчезновение народных нравов и обычаев и найдет другие, страшные меры для их поддержания. Самозванство, которое с целью ниспровержения устаревших институтов разрушило и устаревшие принципы, будет удерживать власть средствами, сходными с теми, с помощью которых ее приобрело. Когда старинный феодальный и рыцарский дух преданности, освободив королей от страха, освободив и королей, и его подданных от тирании, будет угашен в сознании людей, то с заговорами и убийствами будут бороться, совершая убийства и реквизиции заранее. И длинный список жестоких и кровавых заповедей, который формирует политический ход всякой бесчестной

власти и ее бесчисленных подданных, будет расти. Короли будут политическими тиранами, а подданные — мятежниками.

Когда древние устои и нравы уходят из жизни, нельзя точно оценить потери. С этого момента уже нет компаса, который бы указывал нам направление пути, и мы не знаем точно, к какому порту движется наш корабль. В день свершения Вашей революции Европа, несомненно, если брать ее целиком, была в состоянии пышного расцвета. Насколько это процветание было достигнуто благодаря духу наших традиций и взглядов — сказать трудно, но не оказать своего влияния они не могли, следовательно, в целом надо признать их действия удачными.

Мы не слишком склонны рассматривать интересующие нас проблемы без достаточно глубокого анализа причин их возникновения и, возможно, долгого существования. Безошибочно можно сказать, что наши взгляды и обычаи, наша цивилизация и все то хорошее, что связано с обычаями, в течение многих столетий зиждилось на двух постулатах и явилось результатом их слияния. Я имею в виду благородство человека и религиозность. Высшая знать и духовенство, первая — по вероисповеданию, второе — по праву назначения на духовную должность, постоянно развивались, даже во время войн и общественных беспорядков, даже во время правительственных кризисов. Образованность не оставалась в долгу у аристократии и священнослужителей и с лихвой оплачивала счета, расширяя круг идей и формируя разум. Было бы прекрасно, если бы они продолжали осознавать нерушимость своего союза и свое место в нем. Было бы прекрасно, если бы просвещение, не обольщенное амбицией, было бы удовлетворено положением наставника и учителя, а не господина! Вместе с ее защитниками и стражами просвещение будет сброшено в трясины, а затем его поместят в большой свинарник³.

Если, как я полагаю, даже современное правописание гораздо больше, чем это обычно представляется, обязано старинным правилам, то что же говорить о других интересах, которые мы высоко и по заслугам ценим. Даже коммерция, торговля и промышленность — боги наших политиков-экономистов — являются не чем иным, как творением, это следствие, ставшее целью, избранной для почитания и поклонения. Они росли там же, где расцветала образованность. Их естественные защитные функции тоже могут угаснуть. Они угрожают исчезнуть вместе с Вами. Там, где народу необходимы торговля и производство и где не потерян дух высшей знати и религии, — там удовлетворяются желания и не всегда самые плохие. Но если коммерция и ремесла утеряны в ходе эксперимента, может ли государство обойтись без основополагающих принципов, и какой же станет нация вульгарных, глупых, жестоких и одновременно нищих и убогих варваров, лишенных религии, чести и человеческого достоинства, ничего не имеющая в настоящем и ничего не желающая иметь в будущем? Эти последствия уже очевидны во Франции.

Я хотел бы, чтобы Вы не зашли так далеко в своем эксперименте и не оказались бы в таком ужасном и отвратительном положении. Уже сейчас можно наблюдать бедность мысли, грубость и вульгарность на заседаниях ассамблеи. Их свобода не свободна. Их наука — высокомерное невежество. Их гуманность варварская, жестокая и дикая.

Мы знаем и чувствуем, что религия является базисом цивилизованного общества и источником всего хорошего и доброго. В Англии мы настолько уверены в этом, что ни у кого нет и тени сомнения в том, что накопившееся человеческое невежество не способно затмить религию, что 99 из 100 англичан (Предпочтут веру в Бога. Мы никогда не станем такими глупцами, чтобы заставить противника существующей системы вернуть все награбленное и возместить убытки. Если наши религиозные убеждения потребуют дальнейшего разъяснения, то к атеизму с этой целью мы не прибегнем. Мы не зажжем огонь в нашем храме от этого грешного огня. Он будет гореть другими огнями. Он будет благоухать фимиамом, а не какой-то инфекцией, взятой контрабандистами у лжепророков. Если для создания нашей церкви потребуются ревизия, то мы возьмем про-

верки расписок и заявлений освященного дохода не алчность, корыстолюбие и жадность. Не оскорбляя ни греческую, ни армянскую, ни тем более римскую систему религии, мы предпочитаем Протестантство. Не потому, что считаем, что в нем меньше христианского учения, а потому что, по-моему убеждению, его в нем гораздо больше. Мы протестанты не от безразличия, а от усердия.

К своей чести мы знаем, что человек по своему строению — религиозное животное, что атеизм не противоречит не только нашему разуму, но и инстинктам, атеизм не способен царствовать долго. Но если в момент восстания и в опьяненном беспамятстве сквозь призму ада, в котором так неистово кипит сейчас Франция, нам придется открыть свою наготу, забывая, что Христианская религия, которая до сих пор была предметом нашей гордости, утешения и одним из источников нашей цивилизации и цивилизаций многих других народов, то мы хорошо осознали, что на ее место может прийти дикое, пагубное и разрушительное суеверие. А поэтому, перед тем, как мы позаимствуем у нашей государственной церкви естественные человеческие средства познания и уступим место презрению, как сделали Вы и при этом подверглись наказанию, которое по праву заслужили, мы желаем, чтобы на ее место было бы представлено что-нибудь другое. И лишь затем мы вынесем наше решение.

Мы остаемся верными этим идеям вместо того, чтобы ссориться с государственной церковью, как делают некоторые, возведя философию и религию своего противостояния в эти институты. Мы решили сохранить существующую церковь, существующую монархию, существующую аристократию и существующую демократию — каждую в их сегодняшнем состоянии и не более. Я попытаюсь продемонстрировать Вам, насколько мы в этом заинтересованы.

Для нашего века традиционно (а вовсе не триумфально, как думают эти джентельмены) все подвергается сомнению, как если бы созидание нашей страны должно стать предметом ссор и препирательств, а не радости. Поэтому для удовлетворения таких, как Вы, тех, кто захочет получить выгоду от примеров, я отважусь побеспокоить Вас некоторыми умозаключениями, касающимися каждого из институтов. Я не думаю, что в Древнем Риме жили глупцы, которые перед тем как обновить свои законы, посылали уполномоченных для изучения подобных вопросов в благоустроенные соседние страны.

Английская церковь — первый из трех предрассудков

Во-первых, я прошу Вашего разрешения начать с института церкви, который является первейшим в наших пристрастиях, и это вовсе не лишено веских оснований, а напротив, зиждется на глубокой мудрости. Я выношу вопрос о церкви первым. С нее все начинается и ею завершается, она глубоко укоренена в нашем разуме. Основываясь на той религиозной системе, которой мы в настоящее время обладаем, мы продолжаем действовать на основе давным-давно полученного и постоянно развивающегося духа человечества. Этот дух человечества не только построил (подобно умному архитектору) величественную структуру государства, но и, как дальновидный хозяин, сохранил от профанации и разрушения, очистил ее, как святой храм, от всех грязных подделок и дикости, несправедливости и тирании и освятил государство и все его обязанности. Это освящение означает, что все правительственные устои, которые находятся в положении самого Господа Бога, должны обладать высокими и весомыми понятиями о собственных функциях и о своем предназначении, что они должны помнить о своем бессмертии, что им не следует быть падкими на презренный металл; им надо стремиться не к временной и быстро проходящей вульгарной славе, а к вечному существованию в неразрывной связи с природой; к вечной славе, чтобы оставить потомкам пример своей жизни как самое богатое наследство.

Такие возвышенные принципы должны быть привиты людям, занимающим высокое положение. Церковь должна постоянно обеспечивать государство такими

людьми, способствовать их развитию. Всякая мораль, любой гражданский и политический институт, поддерживая рациональные и естественные связи, соединяющие человеческий разум с божеством, являются не более, чем необходимостью для создания прекрасного творения — Человека, чье исключительное право — стать продуктом своего собственного разума. И когда он создан так, как должен быть создан, ему предрешено судьбой занять в мироздании далеко не тривиальное место. Но если ставить одного человека выше других, поскольку руководить должны лучшие душой и разумом, то такой человек должен быть как можно ближе к своему совершенству. Освещение государства церковью необходимо также и для того, чтобы внушать должное почтение свободным подданным, которым тоже надо обладать хотя бы некоторой властью, чтобы оставаться свободными. Поэтому для них религия, связанная с государством и их обязанностью по отношению к государству, становится более необходимой, чем в таком обществе, где люди связаны общественным мнением и беспокойством о своей собственной семье. Все люди, в чьих руках находится хоть маленькая толика власти, должны обладать высоким чувством ответственности, осознавать эту ответственность перед теми, кто оказал им это высокое доверие перед лицом великого господина, автора и основателя мироздания!

Общество без церкви

Еще глубже и сильнее этот принцип должен быть осознан теми, из кого формируется верховная власть, чем единовластными государственными правителями. Без соответствующих полномочий эти государи и правители ничего сделать не в состоянии. Если кто-либо использует подобные полномочия, находя в них поддержку, он одновременно найдет там же и помехи. Их власть недолговечна, поскольку в трудной ситуации они оказываются беззащитными. Такие люди, опьяненные лестью, высокомерием и самомнением, должны сознавать, что несмотря на то, что закон на их стороне, они в любом случае ответственны за свое недостойное отношение к проявленному им доверию со стороны народа. Если они не будут свергнуты восставшим народом, они могут быть свергнуты любым янычаром, нанятым для обеспечения их безопасности против мятежников. Так, мы видели, как короля Франции продали его собственные солдаты за увеличение жалования. Там, где власть абсолютна и непоколебима, народ имеет гораздо большую веру в свое начальство. В большинстве же случаев люди сами правят собой. Они ближе к своим целям. Кроме того, они в меньшей степени ответственны перед одним из самых великих видов власти на Земле — чувством уважения и славы. Часть позора и бесчестия, которая выпадает на долю каждого гражданина в законодательных актах, чрезвычайно незначительна, при этом колебания общественного мнения обратно пропорциональны количеству тех, кто ругает власть и правительство. Создаваемое ими одобрение их собственных законов создает впечатление народного одобрения. А поэтому совершенная демократия — это самая бесстыдная вещь в мире. А если она самая бесстыдная — значит, она также и самая уязвимая. Никто не желает стать предметом наказания. Конечно же, широкие слои населения никогда и не должны им быть, так как всякое наказание служит предостережением, с целью сохранения этих широких слоев населения. А поэтому бесконечно важно, что они не будут терзаться мыслью, что их воля превышает волю королей и является истиной. Они должны быть убеждены (для их же спокойствия), что у них мало прав, а еще меньше определенных качеств для произвола, они должны быть уверены, что их не обманывают демонстрацией фальшивой свободы, что они испытывают на себе неестественное обратное давление тирании тех, кто руководит государством, что существует не полная преданность их интересам, требование которой является их полным правом, а презренная покорность их собственной случайной воли, подавляя таким образом во всех, кто им служит, все моральные принципы, чувство

собственного достоинства, рассудительность, постоянство характера, в то время как тем же способом они приобретают удобную, но довольно ничтожную жертву подобострастным амбициям подхалимов из народа или придворных льстецов.

Когда народ освободится от эгоистических желаний (а без религии это просто невозможно), когда начнет осознавать свою возможность осуществлять и использовать на более высоком уровне передачу власти, которая, чтобы быть законной, должна согласовываться с вечным непреложным законом, где воля и разум есть одно и то же, он (народ) станет более осмотрительным, наделяя властью подлых и неспособных. При назначении на службу бремя власти не будет расцениваться как нечто презренное и недостойное, а как святыня; при назначении на пост не будут учитываться ни эгоистические интересы, ни развращенные капризы, ни своеволие, но будет условлено, что власть, перед возможностью получения или потери которой любой человек будет трепетать, должна быть дана только тем, в ком можно выделить преобладание активной добродетели и разума, так необходимых для работы в огромной и неминуемо смешанной массе человеческих недостатков и слабостей...

Самое основное в освящении государства и законов — как бы временные владельцы и владельцы пожизненных рент, забывая о том, что они получили от своих предков и не думая о том, что они оставят своим потомкам, не посчитали бы себя полновластными хозяевами и не приняли бы решение об отмене майората или же права наследования, разрушая тем самым для собственного удовольствия всю изначальную структуру своего общества и рискуя оставить тем, кто придет после них, руины вместо городов и прививая потомкам столь же мало уважения к своим нововведениям, сколь мало они сами уважали институты своих праотцов. Такие частные и глубокие изменения государства, проводимые с беспринципной легкостью, как будто бы речь идет об изменениях моды, разрушают всю цепочку и непрерывность государственного благосостояния. Связь поколений будет утеряна. Люди уподобятся летним мухам.

А прежде всего не будет изучаться юриспруденция — эта гордость человеческого интеллекта, которая во всеми ее недостатками излишествами и ошибками, является многовековым коллективным разумом, объединившим принципы подлинной справедливости с неопределенно большим количеством человеческих тревог, как целой кипы старых ошибок. Личная самоуверенность и высокомерие (определенные черты тех, кто никогда не пользовался другим разумом, кроме своего собственного) возьмут власть над судом. Разумеется, законы, устанавливающие неукоснительные рамки' дозволенного, не удержат действия людей в определенном русле и не направят их к нужной цели. Отсутствие стабильности в формах владения собственностью не создаст благоприятных условий для того, чтобы родители могли задуматься об образовании своих отпрысков и о выборе ими жизненного пути. Беспринципность не перерастает в обычай. Когда самый способный руководитель сам закончит трудоемкий курс обучения, вместо того, чтобы послать своего ученика дальше, на более высокие ступени для овладения новыми знаниями (ученика, получившего хорошее образование по добродетельным дисциплинам, готового обратить на себя внимание и внушить уважение обществу, оказавшись он на своем месте в этом обществе), он поймет, что общество изменилось и что он выгнал бедное существо на презрение и осмеяние обществом, которое не имеет ни малейшего представления об истинном уважении. Где гарантия того, что тонкое и деликатное чувство чести забудется одновременно с первыми ударами сердца, когда никто не знает, что будет считаться честью у народа, бесконечно изменяющего образец своей монеты? Ни одна сторона жизни не сдержит такой натиск. Варварство в науке и литературе, неумелость в искусстве и производстве непогрешимо преуспели в разрушении фундаментального образования и прочных принципов, и, таким образом, государство через несколько поколений погибнет, будет растерто в грязь и пыль индивидуализма и в конце концов развеется по ветру.

Чтобы избежать непостоянства и переменчивости, что в десять тысяч раз хуже упрямства и самых слепых предрассудков, мы освятили государство, так что никто не приблизился бы без должной осторожности, чтобы взглянуть на недостатки и моральное разложение общества. Никто никогда и мечтать не должен о начале перемен путем ниспровержения, к ошибкам государства должно относиться как к отцовским ранам — с уважительным благоговением и трепетной заботой. Эту мысль так глубоко вложили в наше сознание, что мы с ужасом смотрим на тех, кто поспешно стремится расколоть на мелкие куски наследство своего родителя, положить его в котел чародеев и мудрецов в надежде на то, что с помощью их ядовитой сорной травы и колдовских чар они смогут обновить жизнь отцов.

Общество основано на договоре. Второстепенные договоры о более чем случайном предмете могут быть расторгнуты с удовольствием — но государство нельзя рассматривать лишь как партнерское соглашение по торговле пряностями и кофе, коленкором или табаком или как контракт по вопросу, представляющему временный взаимный интерес и который может быть расторгнут по капризу одной из сторон. На государство необходимо смотреть с глубоким уважением, потому что это не партнерство по вопросам, обеспечивающим низкое животное существование недолговечной, тленной души. Это партнерство во всех областях жизни, партнерство во всех сферах искусства, партнерство по каждому достижению. Так как цель такого партнерства не может быть достигнута одним поколением, то оно перерастает в партнерство не только между живущими, но и ушедшими из жизни и еще не родившимися поколениями. Каждый договор каждого отдельного государства есть не что иное, как условие великого первобытного контракта вечного общества, которое связывает низшие и высшие классы, соединяет видимые и невидимые миры, в соответствии с точным соглашением, санкционированным нерушимой клятвой, которая расставляет все физические и моральные силы по своим местам. Закон не является предметом воли тех, кто на неопределенный срок по своему долгу находится выше остальных, кто обязан подчинить свою волю закону. Муниципальные корпорации этого вечного королевства, с моральной точки зрения, не свободны в своих желаниях и рассуждениях по вопросу улучшения своего состава. Они не могут полностью разорвать связи с подчиненным сообществом и превратить его в антисоциальный, антигражданский бессвязный хаос элементарных принципов. Это первейшая и наиважнейшая необходимость, необходимость, которая является причиной по отношению к осторожному обдумыванию, необходимость, которая не признает дискуссий и не требует доказательств, которая одна может оправдать переход к анархии. Эта необходимость не является исключением из правила, потому что она тоже часть расстановки моральных и физических сил, которым человек должен подчиниться по соглашению или силой. Но если то, что подчиняется необходимости, может стать объектом выбора, то законность нарушается, выходит из подчинения, и мятежный дух приговаривают к ссылке и высылают из этого мира разума, порядка, добродетели и покаяния в антагонистический мир мракобесия хаоса, греха, беспорядков и бесполезной скорби.

Государство и церковь нераздельны

Все это, мой уважаемый господин, есть, было и, я думаю, еще долго будет примером не самой образованной и думающей части королевства. У лиц, попавших в это описание, точка зрения по таким вопросам формируется так, как она и должна формироваться у подобных людей. Менее любопытные формируют свои взгляды под влиянием руководства, которое не должно бояться довериться тем, кого Провидение обрекает жить по вере. Эти два типа людей идут в одном направлении, хотя и разными дорогами. Они оба подчиняются законам вселенной. Они знают или же чувствуют великую древнюю истину: «*Quod illi principi et praepotenti.*»

Deo qui omnem hunc mundum regit nihili eorum quae quidem fiant in terris acceptius quam concilia et caetus hominum jure sociati quae civitates appellantur»⁴.

Они черпают это убеждение из разума и сердца, а не из великого имени... и не из еще более великого, из которого этот догмат вытекает, а из того, который один лишь может правильно оценить и поддержать любую научную мысль, простые отношения между людьми. Убежденные, что все необходимо делать целенаправленно, подчиняя все одной великой цели, для достижения которой должны быть приложены все усилия, они, как отдельные индивидуумы в храме сердца и как объединенные этой персональной возможностью, считают себя обязанными не только возродить память о своем высоком происхождении, но и воздать народное почтение основателю, автору и защитнику гражданского общества, без которого гражданин не смог бы при любой возможности достичь того совершенства, на которое способен и, более того, даже не смог бы и приблизиться к этому совершенству.

Полагают, что тот, кто дал нашей душе возможность совершенства в добродетели, завещал и необходимые средства этого совершенствования. Он завещал государство, завещал связь с источником и с оригиналом этого совершенства. Уверенные в его завещании, которое является законом законов и суверенитетом суверенитетов, не могут осуждать тот факт, что верность, присяга и почитание, наше официальное признание феодального правления верховным, подобно почтенному жертвоприношению на высокий алтарь похвалы вселенной, должно быть совершено, как совершаются всенародные акты в архитектуре, музыке, в живописи, в ораторском искусстве, в соответствии с традициями человечества... Они уверены, что для этих целей некоторая часть благосостояния страны используется как нельзя лучше, раздувая роскошь отдельных лиц. Это национальное украшение. Это национальное утешение, которое лелеет народную мечту. Самый бедный ощущает в ней свое собственное достоинство и величие, в то время как достаток и гордость индивидуумов заставляют человека низкого происхождения ощутить свою незначительность, ведут к его деградации и унижают.

Перевод с английского Э.Э. МАЛЬЦЕВОЙ

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь Берг имеет в виду то, что в Древней Греции философы обучали своих слушателей в тенистых дубравах.

² *Флакк Квинт Гораций*. Наука поэзии {99}: «Мало стихам красоты — пускай в них будет услада» (пер. М. Гаспарова).

³ Среди огромного количества памфлетов, написанных против «Размышлений» был и «Ответ свинского большинства г-ну Берку».

⁴ *Цицерон М.Т.* «О государстве» [IV; 13] (Сон Сципиона) «И ничто, в самом деле, из происходящего так не угодно этому верховному и всемогущему Богу, управляющему целой Вселенной, как те общества и общности людей, скрепленные законом».

Продолжение следует